

Клуб «Известий»

Делаем газету вместе

Клуб «Известий» открывает свой новый проект. Теперь мы будем приглашать в гости известных всей стране людей: писателей, политиков, бизнесменов, ученых. Читатели газеты смогут задать им свои вопросы — авторы самых лучших из них придут в редакцию и пообщаются с нашими гостями лично.

В минувший вторник к нам пришел писатель Фазиль Искандер — безусловно знаковая фигура в русской литературе. Его книгами мы зачитывались как в период застоя, так и в перестроечные годы. Во многом они помогли нам понять суть происходившего в нашей стране. На встрече с писателем в редакции «Известий» собрались не только настоящие знатоки его творчества, но люди действительно неравнодушные. И вопросы, которые они задавали как от своего имени, так и от имени всех членов нашего клуба, как нельзя лучше об этом свидетельствовали.

• ГОСТЬ НАШЕГО КЛУБА

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР:

Мы должны выработать культ совести

— Фазиль Абдулович, как вы считаете, почему в России американская трагедия наряду с сочувствием к жертвам вызвала столько злорадства в адрес Америки?

Это поверхностная реакция людей душевно небогатых и неглубоких. Все-таки большинство нашего общества ужаснулось этой чудовищной акцией. Я много писал об одиночии человечества в XX веке, увы, в XXI веке оно продолжается. И один из признаков этого одиночия — фанатизм террористов.

— Фанатиками-камикадзе, как известно, были мусульмане. Сейчас много нападок на ислам. Главный муфтий России утверждает, что ислам — религия мирная. А вы как думаете?

— Лев Толстой сказал: все религии говорят одно и то же. Ибо все религии призывают к добру. А у Достоевского есть такое рассуждение: когда меня спрашивают, как ты относишься к кострам инквизиции, я говорю себе — как бы отнесся к кострам инквизиции Христос? Конечно, он отнесся бы к этому отрицательно. Значит, и я отрицательно отношусь к этому. То же самое мы можем сказать и про ислам. Когда некоторые люди, действуя от имени ислама, творят величайшие жестокости, мы твердо можем сказать, что Магомет их не одобрил бы.

— Что вас радует в новой демократической России и что в нашей сегодняшней жизни вызывает наибольшее огорчение?

— Можно сказать, со всеми «но» тем не менее у нас с перестройкой действительно установилась свобода слова. И это замечательно — свобода слова, свобода критики властных структур. Но всякая свобода не может быть безбрежной. Нравственное чувство журналиста, писателя, кинематографиста должно подсказывать им, где свобода перекрещивается во вседозволенность. Ужасно и то, что именно в эти годы разрослась коррупция во всех сферах жизни и, что особенно обидно, — в правоохранительных органах. У человека должно быть чувство, что в своей стране ему есть куда пожаловаться. Сегодня, к сожалению, у него такого чувства нет.

— А есть ли такие вещи в современной России, которые заставляют вас смеяться?

— Года два тому назад мы ездили отдыхать в Крым. Поезд так

был невероятно разбит, что дверь в уборную не закрывалась. Она металась, как разгневанный веер красотики. Это было смешно.

— Такие авторитетные личности, как вы, являются стержнем, который препятствует раскачиванию общества из крайности в крайность — «слева — направо». Не чувствуете ли вы себя ответственным в те минуты, когда общество готово идти за любым, кто первым взберется на танк? Прислушиваются ли к вашему мнению власти, придерживающиеся?

— Это надо у них спросить, я у них никогда не спрашивал. Когда-то я выступил с повестью «Созвездие Козлотура», она была вызвана бурной кукурузной кампанией Хрущева. И хотя сам козлотур имел место в Абхазии, это была пародия на всю нашу сельскохозяйственную политику. Но я не могу припомнить, чтобы ко мне прислушались и кукурузная кампания тогда прекратилась.

У человека должно быть чувство, что в своей стране ему есть куда пожаловаться. Сегодня, к сожалению, у него такого чувства нет

лас. Тем не менее, когда вижу те или иные действия наших чиновников или политиков, стараюсь, насколько это возможно, корректировать их. Помню писал статью при Ельцине — он тогда сказал удивительную фразу по телевидению: «Мы послали миллиарды денег в Чечню, но мы не знаем, куда эти деньги делались». Конечно, президент не прокурор, не следователь, но у него же должно быть чувство, что он отвечает! Если бы он сказал, что по этому поводу мы привлечли к ответственности таких-то, таких-то, сейчас выясняем, куда деньги делились. Но ничего этого он не сказал. Это ужасно в нормальной стране. Об этом — да, я писал, впрочем, я не один пытался их поправлять, вся пресса для этого существует.

— Совершали ли вы когда-нибудь в жизни поступки, которых стыдитесь?

— К сожалению, совершал конечно. И вспоминая их, я отметил про себя, что они были вызваны недомыслием ситуации. Поэтому я бы ко всем существующим законам прибавил еще одну: не думать — грех. Человек должен все время думать и оценивать каждый свой поступок и каждое свое слово.

— Как-то я прочитал у вас выражение, меня поразившее: надо излагать свои мысли понятно, а если кто-то излишне мудствует, то он генетически поврежден. Придерживаетесь ли вы по-прежнему этого взгляда?

— Возможно и своими словами повторил известный афоризм Шопенгауэра: «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает». Это замечательный афоризм, и вся классическая русская литература, начиная от Пушкина и кончая Чеховым, придерживается этого положения. Мыслящий человек проясняет этот мир. А если мыслящий человек затемняет этот мир, то какой же он мыслящий человек?

— Ваши сравнительно ранние произведения — «Созвездие Козлотура», цикл рассказов о Чике, «Сандро из Чегема» — окрашены теплым чувством юмора, которое в дальнейшем вашем творчестве как бы отходит на второй план, уступая место не менее интересным глубоким обобщениям. Уходит ли способность юмористически смотреть на жизнь в зрелом и пожилом возрасте, как уходит, например, чувство любви?

— Я полагаю, что чувство любви не уходит, оно несколько преобразуется. Бурные формы заменяются более глубокими и тихими. Вспомните старостских помещиков Гоголя, как эти старые люди любят друг друга. Это всегда очаровательно.

Чтобы сразу вас утешить, скажу, что в последнее время я написал несколько юмористических рассказов. Кое-что напечатано, кое-что печатается. Но в общем вы правы. Юмор каким-то образом связан с подвижностью человека, с динамикой человеческой мысли, человеческого бытия. К старости эта динамика естественно ослабевает, и брызжащий шампанское юмор в старости навряд ли возможен. Но я полагаю, что более глубокий юмор, связанный отчасти с грустной улыбкой, творца не покидает.

— А не переходит ли юмор в сарказм?

— Это зависит от личности человека. У Шелдрин, к сожалению, на мой вкус, юмор очень часто переходил в желчь, в сарказм и каким-то образом делал его произведения менее аппетитными. А вообще юмор предполагает некий избыток сил. Когда есть этот избыток, он журчит.

Юмор — это способ выманить человека от греха уныния.

— Сейчас писатели редко и неохотно говорят о современной литературе, а если и говорят, то все сводят к теме постмодернизма. А что вы об этом думаете?

— Сейчас писатели в трудном положении. Зло атомизируется, оно повсюду и нигде, и трудно указать, с каким злом надо бороться. Может, поэтому то, что называют постмодернизмом, укрепляет свои позиции. Постмодернизм — это искусство, которое к добру и злу равнодушно. Отсутствие влечения заменяется наличием фокусов. Это искусство без руля и без ветрил. Искусство, в котором непонятно, где верх, где низ, искусство, в котором нет воли к добру. А воля к добру — универсальное свойство искусства. Реалистическое искусство, я имею в виду. Посмотрите у того же Гоголя, скажем, «Мертвые души». Ведь нет ни одного положительного лица, но тем не менее над всеми этими уродами встает могучее нравственное небо Гоголя!

— В 80-х годах я прочитала вашу книгу «Кролики и удавы». То, что стало происходить в нашем обществе в 90-х, почти полностью совпало с описанной вами философией. Что это, умение предвидеть события?

— Нет конечно, никаких событий я не предвидел, просто психологическая логика кроликов и удавов совпала с психологической логикой дальнейших событий. Наш страх — их гипноз, их гипноз — наш страх. Иначе говоря — это пропаганда. Когда потом удавы, увидев, что кролики не поддаются гипнозу, научились их душить, это было следующим этапом развития удавов. И тот хаос, то насилие, которые сейчас существуют в нашей жизни, как бы соответствуют новому этапу развития удавов.

— Одним из самых сильных впечатлений от романа «Сандро из Чегема» для меня было чтение места, где вы описываете чувства крестьянина к вспаханной им земле — чувства интимные, как между мужчиной и женщиной. Интуитивно чувствуется, что независимо от того, на волах или на тракторе вы пахнете землю, ее эффективное использование возможно, только если она принадлежит вам. Согласны ли вы с такой точкой зрения?

— Да, я считаю, что самым правильным землепользованием, хотя не отрицающим и дру-

гие способы, является частная собственность, фермерское хозяйство. Я вспоминаю, много лет назад, когда уже началась перестройка, я из Сицилии летел в Америку. В самолете разговорился со своим соседом — таксистом из Нью-Йорка, который оказался бывшим итальянским крестьянином. Я ему кое-что рассказал о том, что делается в России, и он, как бывший крестьянин, задал мне вопрос: ты мне скажи, вот если я русский крестьянин, я могу продать свою землю в этом районе или в этой области и переехать в другую? Я говорю: нет, пока это невозможно. Тогда он махнул рукой: будем пить виски, все, что ты сказал, это неинтересно. Он задал точный вопрос: принадлежит ли земля крестьянину. А высшая форма собственности — это принадлежность земли крестьянину. А высшая форма собственности — это принадлежность земли крестьянину.

Если мыслящий человек затемняет этот мир, то какой же он мыслящий человек?

— Да, все еще на машинке. Как приходит это, очень трудно сказать. Скажем, вспоминается какая-то картинка жизни. И вдруг я в этой картинке жизни вижу некий обобщающий смысл. И тогда включается воображение.

— Юмор предполагает некий избыток сил. Когда есть этот избыток, он журчит

— Да, все еще на машинке. Как приходит это, очень трудно сказать. Скажем, вспоминается какая-то картинка жизни. И вдруг я в этой картинке жизни вижу некий обобщающий смысл. И тогда включается воображение.

Включается вдохновение. И я пишу. Как я уже когда-то говорил, я из мухи делаю слона, но муха должна быть обязательно живой. То есть это воспоминание должно быть обязательно живым, отталкивающимися от живой картины жизни.

— Герои ваших книг были интернационалистами в истинном, не искаженном современными «идеологами» смысле этого слова. Дядя Казым и Бахут знали по пять языков и с грузинами говорили по-грузински, с

Я доволен встречей с читателями, участниками клуба «Известий». Мне все интересно, а главное, много работы и для редакции и для авторов «Известий».

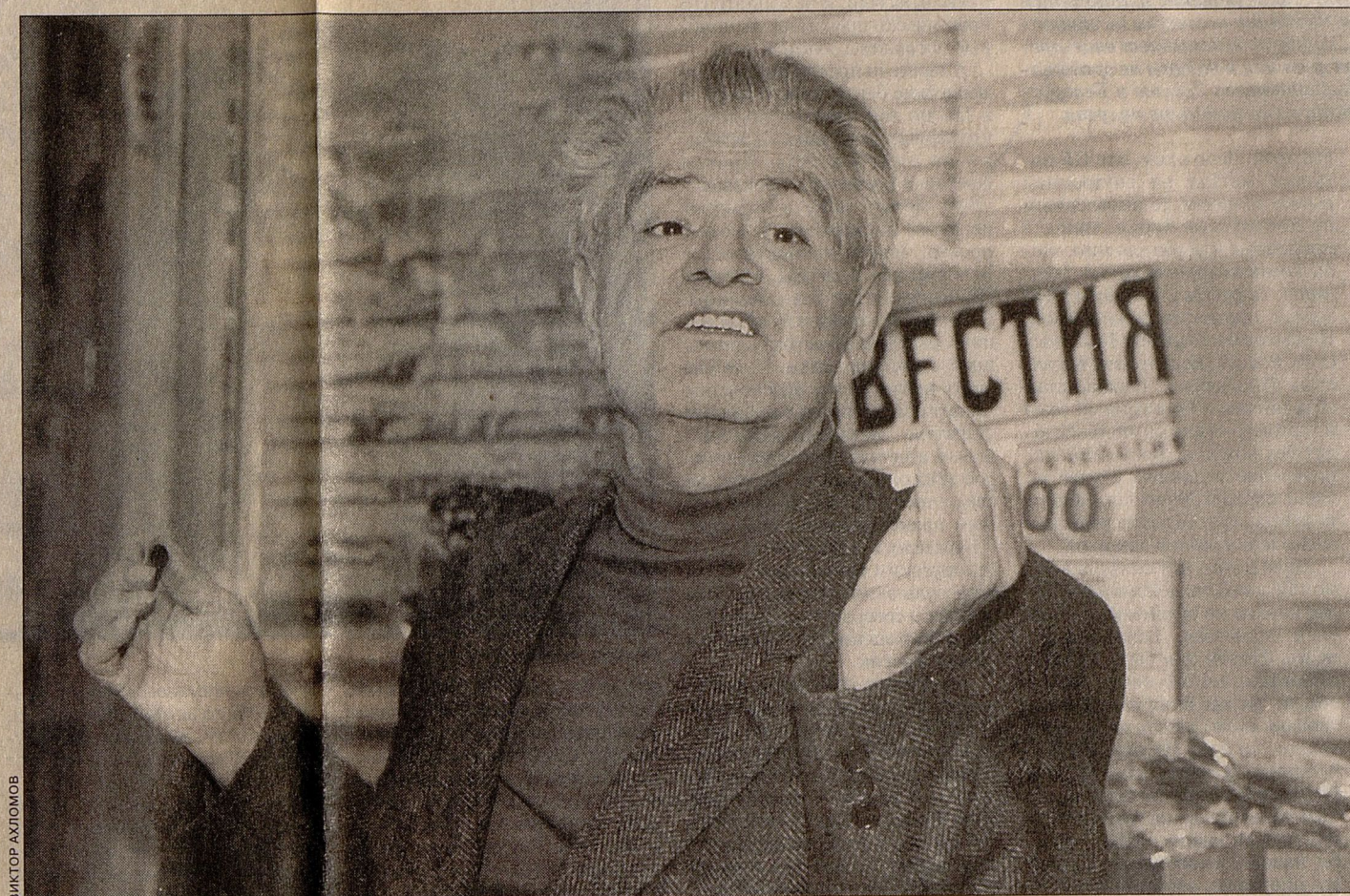
М.М.Мамур

турками — по-турецки, а между собой — на обоих своих языках. Что же с нами случилось, куда и когда все это исчезло? В сталинские годы — времена первых переселений народов или в последнее десятилетие, когда распался Союз? Есть ли, на ваш взгляд, будущее у многонациональных государств или им суждено распасться на «чисто Абхазию», «чисто Грузию», «чисто Осетию»?

— Глава о дяде Казыме, можно сказать, списана с натуры. Я даже имен не менял. Эти люди всегда старались быть вместе, любили друг друга. Были очень умными мужиками. И даже в условиях колхозов с советской властью они умудрялись быть достаточно зажиточными. Когда я думаю о том, как и почему люди сближаются, вспоминая Казыма и Бахута, я вижу, что они сближаются не по национальному и не по каким-то другим признакам, а главным образом — по духовной общности. Это еще Толстой писал в «Воскресении».

Когда человек в другом человеке видит оправдание своего образа жизни, он охотно сближается с другим человеком. Поэт сближается с поэтом, аферист сближается с аферистом. И умный крестьянин тянется к умному крестьянину.

Я думаю, что разделение нашей страны неправомерно ни в каких отношениях, от этого разделения миллионы людей — русских и нерусских — проиграла. И поэтому я уверен, что та великая страна когда-нибудь вновь соединится. Мы ведь друг без друга не можем — так уж привыкли...

ВИКТОР АХИМОВ